

Международное научное сотрудничество: национальный интерес и глобальная кооперация

*Интервью¹ с Иреком Тавфикивичем Сулеймановым, заместителем
руководителя Департамента международного сотрудничества
Объединенного института ядерных исследований*

*Ирек Тавфикивич Сулейманов – российский эксперт по вопросам научной дипломатии
и научно-технического сотрудничества, автор курса «Наводя мосты: введение в научную
дипломатию» в НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва),
приглашенный лектор кафедры ЮНЕСКО по научной дипломатии и научному наследию
Национального автономного университета Мексики, кандидат педагогических наук.*

*Беседу вел С.М. Маркедонов,
главный редактор журнала «Международная аналитика»*

С.М. Маркедонов. Сегодня одной из наиболее обсуждаемых тем среди экспертов-международников является трансформация мироустройства. «Конец истории», который был анонсирован на закате холодной войны, откладывается на неопределенный период. Модели и практики глобализации подвергаются критике, а национальные приоритеты, напротив, рассматриваются как возвращающаяся «нормальность». Как эти перемены отражаются на фундаментальной и прикладной науке и сотрудничестве ученых? С одной стороны, плодотворное развитие научных контактов – залог прогресса и движения к освоению неизведанного. Но, с другой стороны, наука – это то, что подпитывает и структуры безопасности, и национальную оборону, и технологии, обеспечивающие той или иной державе (или блоку государств) конкурентное преимущество. И здесь не обойтись без секретности и необходимости дозировать внешние связи. Как нам всем пройти между Сциллой и Харибдой? Есть ли вообще оптимальная модель научно-технического взаимодействия?

И.Т. Сулейманов. Можно по-разному относиться к тезису об интернациональной природе науки, но все же значительное количество самих исследователей сходится во мнении, что природа науки не может быть ограничена

1 Позиция интервьюируемого отражает лишь его экспертное мнение и не выражает позицию его работодателей.

национальными рамками. Наверное, не будет лишним процитировать Антона Павловича Чехова: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения; что же национально, то уже не наука»¹.

Волна глобализации предшествующих десятилетий, действительно, шла в унисон с природой науки, особенно фундаментальной. Этот «резонанс» (в физико-техническом смысле слова) очень хорошо иллюстрируется кооперационными «кейсами» в сфере «мегасайенс». Например, в 2018 г. была подписана Российско-германская дорожная карта сотрудничества в области образования, науки, научных исследований и инноваций², в рамках которой предполагалось, что германская сторона внесет вклад в оснащение оборудованием и эксплуатацию в научных целях комплекса *NICA* и исследовательских установок на базе реактора «ПИК». Другой пример долгосрочного доверительного подхода в этой сфере – проработка полноправного членства России в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН)³.

Сейчас общий тренд МНТС в силу многих обстоятельств – это выход на первый план прагматики национального интереса и связанная с ней политизация науки. Мне представляется, что особенно важным здесь был коронакризис. Пусть и упрощая, все же можно утверждать, что каждое правительство желало сохранить свой народ⁴, поддержать свои научно-технологические решения, направленные на купирование *COVID-19*. В такой национальной логике протекционизма были приняты решения многих стран по недопущению «внешних» вакцин. Одновременно этот кризис показал и новую значимость науки – пожалуй, впервые со времен холодной войны сотни миллионов людей обратили свои взоры не на поп-звезд или футболистов, а на исследователя.

Длительность коронакризиса и его качественное влияние на структуру принятия решений, смена парадигм международного сотрудничества⁵ стали «спусковым крючком» для процесса деглобализации. Поэтому «естественной» апробацией западных санкционных режимов в отношении такого глобального игрока, как Россия (в том числе в МНТС), стала ситуация коронакризиса.

Удивительно, насколько быстро лексика доктринальных документов в том же ЕС стала опираться на категории суверенитета и автономии. Например, в Германии появилась рамочная программа: «Исследования и инновации для технологического суверенитета 2030 (*FITS 2030*)»⁶. Меня, как германиста, несколько лет назад это бы крайне удивило. Но сегодня такие «герметизирующие» подходы к

1 Чехов, А.П. Записная книжка I. Часть 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://chegov-lit.ru/chegov/dnevnik/zapisnaya-knizhka-i-2.htm> (дата обращения: 08.08.2025).

2. Российско-германская дорожная карта сотрудничества в области образования, науки, научных исследований и инноваций между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Федеральным министерством образования и научных исследований Федеративной Республики Германия // Минобрнауки России. [Электронный ресурс]. URL: https://m.minobrnauki.gov.ru/common/upload/library/2018/12/Rossiisko-Germanskaya_dorozhnaya_karta.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

3 Трубников, Г.В., Ильина, И.Е., Калужный, К.А., Чеченкина, Т.В. ЦЕРН: эволюция форматов сотрудничества. М: IMG Print, 2020. С. 41.

4 Хотя существуют и различные мнения об эффективности вакцин, обусловленности политических решений «фармацевтическим лобби» и пр.

5 Как, например, прецедент почти всецелой остановки фактического сотрудничества и «очного» международного диалога.
6 "Technological sovereignty in Deutschland und Europa. Rahmenprogramm: 'Forschung und Innovation für Technologische Souveränität 2030 (FITS2030)' (Technological Sovereignty in Germany and Europe. Framework Program: 'Research and Innovation for Technological Sovereignty 2030 (FITS2030)')", accessed August 8, 2025, https://www.bmfr.bund.de/SharedDocs/Publikationen/DE/5/1079492_Rahmenprogramm_FITS2030.pdf?__blob=publicationFile&v=4#:~:text=Das%20Konzept%20der%20technologischen%20Souver%C3%A4nit%C3%A4t,Wissenschaftsbeziehungen%20Deutschlands%20nicht%20in%20Frage.

идеологии развития национальных научно-исследовательских и технологических систем не удивляют тех же европейцев, молодых европейцев. Хотя для людей¹, переживших времена «железного занавеса», такие формулировки вкупе с «научными санкциями» – жесткое столкновение с реальностью: доминирование политики над наукой, разрушение «космополитического мифа» об интернациональности науки...

Вы спросили еще и о роли фундаментальной и прикладной науки в МНТС. Принято считать, что фундаментальная наука может и должна быть международной в силу ее специфики. Она дает научные знания, которые, как правило, крайне сложно применить на практике, коммерциализировать в обозримой временной перспективе (да этого и не ожидают от «фундаменталки»). Но без фундаментального задела знаний невозможно появление прикладных решений, а значит, и прорывных технологий. Фундаментальная наука – чрезвычайно дорогостоящая привилегия (особенно если мы говорим о естественных науках), поэтому в нее крайне неохотно идет бизнес. Ее основной источник финансирования практически по всему миру – государство, в конечном итоге – это деньги налогоплательщиков, которые инвестируют их в потенциальный прогресс для будущих поколений. Поэтому в контексте МНТС фундаментальная наука традиционно рассматривается как наиболее «комфортное» поле для кооперации и для научной дипломатии.

С прикладной наукой ситуация в корне иная. Прикладные исследования напрямую связаны с технологиями, а здесь мы имеем дело и с конкуренцией (экономика высоких технологий), и с безопасностью (Вы справедливо отметили секретность разработок, например, в сфере военных технологий). Здесь впору говорить о той самой «рубашке», что «ближе к телу» из нашей поговорки. МНТС в этой области требует выверенности: доверия к партнеру и, прежде всего, четкого осознания, чего мы от него хотим и что готовы дать.

Универсальной оптимальной модели МНТС на все времена, думаю, нет и быть не может, ведь МНТС – это процесс. Он во многом отражает меняющиеся реалии и запросы научного, технологического, политического, идеологического уклада своего времени. Поэтому целеполагание, модели, подходы и инструменты МНТС всегда в движении.

Однако при этом мы можем говорить о некоем «уравнении» МНТС, которое включает в себя ряд базовых «переменных»: кадры (борьба за таланты), инфраструктуру (то, на чем проводим исследования), инвестиции (приток средств в науку), научные результаты (в широком понимании: публикации, патенты и пр.), репутацию и престиж (МНТС – это еще и представленность страны и ее научных школ на мировых научных «пьедесталах»), научную дипломатию (налаживание и поддержание диалога). Разумеется, это очень эскизная модель. Но все же, возвращаясь к аналогии уравнения, в совокупности эти компоненты в зависимости от коэффициентов каждого из них и дадут итоговую сумму. Например, с нашими западными коллегами в настоящее время коэффициенты всех этих слагаемых стремятся к нулю, за исключением, будем надеяться, последнего, научной дипломатии.

1 См. например: Albrecht, Malte, Ahmed Ali, Michele Barone, Sonja Brentjes, Maurizio Bona, John Ellis, Alexander Glazov, Hannes Jung, Michelangelo Mangano, Götz Neuneck, Natasa Raicevic, Jürgen Scheffran, Michel Spiro, Pierre Mechelen, and Jens Vigen. "Beyond a Year of Sanctions in Science." *Zenodo* (November 2023). <https://doi.org/10.48550/arXiv.2311.02141>.

Но все же, размышляя о модели и формуле МНТС в наших реалиях, думаю, наиболее емко их сформулировал президент России¹: «При всех возможностях, которые открывает России международная кооперация – а мы ее будем развивать [...] – нужно рассчитывать прежде всего на себя, на свою науку».

С.М. Вы долго и плодотворно изучаете феномен научной дипломатии. С Вашей точки зрения, в чем ее отличия от дипломатии классической? В чем и как ученые-дипломаты могут дополнять дипломатов-профессионалов и можем ли мы говорить о разных моделях научной дипломатии у нас в России, США, странах ЕС, КНР, государствах исламского мира?

И.С. Научная дипломатия отличается от дипломатии классической хотя бы тем, что акторами последней выступают профессиональные дипломаты. Ключевые субъекты научной дипломатии – ученые. Особенность научной дипломатии – преобладающая «цеховая» принадлежность ее основных акторов: принадлежность глобальному научному сообществу и его принципам.

В чем и как «научные дипломаты» могут поддерживать дипломатов-профессионалов? Здесь есть ставшая классической «расстановка»: наука в дипломатии, наука для дипломатии и дипломатия для науки². Но в этой «комбинаторике» нет четвертой составляющей – «дипломатия в науке». Хотя эта компонента также имеет место – во всяком случае, таково мое наблюдение за реалиями, происходящими в профильных международных организациях, например в ЦЕРНе. Директор по международным отношениям этой организации не физик и не химик, а профессиональный дипломат. Или посмотрим на МАГАТЭ, где генеральный директор – дипломат в системе ООН. Полагаю, это свидетельствует о том, что и науке с ее «цеховыми интересами» нужны профессиональные дипломаты, чтобы адекватно артикулировать эти импульсы в дипломатической плоскости. Кстати, именно поэтому профильные международные межправительственные организации играют особую роль в научной дипломатии: они являются субъектами международного права, обладают «автономией» и руководствуются (по крайней мере должны) приматом научной повестки (в идеале не допуская политизации) – это своеобразные «государства ученых» со своей (хотим мы того или нет) более или менее автономной «дипломатией».

Возвращаясь к Вашему вопросу о национальных моделях научной дипломатии, выражу мнение, что, разумеется, можно говорить о страновых особенностях в инструментализации научной дипломатии. Например, как научная дипломатия интегрирована (и интегрирована ли) в структуры государственной внешней и научно-технической политики? Как институционализированы субъекты научной дипломатии? Какова степень профессионализации научной дипломатии? Каков специфический набор инструментов научной дипломатии? И, наконец, исходный вопрос – каковы дефиниции этого феномена в конкретной стране? Все это варьируется от страны к стране.

1 Путин заявил, что РФ выступает за международное сотрудничество в науке // ТАСС. 13 июня 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/21091533> (дата обращения: 08.08.2025).

2 "New Frontiers in Science Diplomacy. Navigating the Changing Balance of Power," The Royal Society, January 2010, accessed August 8, 2025, https://royalsociety.org/-/media/royal_society_content/policy/publications/2010/4294969468.pdf.

Не углубляясь в детали, отмечу, что общим ориентиром, «образом результата» научной дипломатии является тандем науки и дипломатии, направленный на то, чтобы «влиять на [международные] отношения»¹. При этом влияние может быть как конструктивным, так и деструктивным. Все же важным отличием российской научной дипломатии является ее приверженность принципу «дипломатии позитивного действия» (в терминологии А.А. Громыко), тогда как наши западные «партнеры» используют ее и как часть «дипломатии принуждения».

Мы видим, что внимание к научной дипломатии сегодня кратно возросло по всему миру. В том же ЕС появляются стратегические документы², в США звучат голоса о необходимости национальной стратегии в области научной дипломатии³. В нашей стране в мае 2025 г. утверждена распоряжением Правительства России обновленная Концепция международного научно-технического сотрудничества России⁴ с акцентом на инструментах научной дипломатии. Поэтому крайне важно обеспечить и профессиональную подготовку «научных дипломатов». В сообществе теоретиков и практиков научной дипломатии традиционно обсуждаются различные подходы к профессионализации этой сферы. В России есть такой опыт. Упомяну и свой курс «Введение в научную дипломатию». Остается надеяться, что освоившие его магистры свяжут свою профессиональную траекторию с научно-дипломатической сферой.

С.М. Многие исследователи сравнивают ситуацию времен холодной войны и международные тренды нашего времени. Как Вы полагаете, если мы говорим о научно-техническом сотрудничестве, в чем принципиальные отличия того периода и нынешнего? И есть ли некие общие черты?

И.С. Сходство, безусловно, присутствует. Не случайно выстраивание аналогий и сравнительный анализ реалий сегодняшних и данностей холодной войны представлены в работах целого ряда исследователей. Приведу Вам один пример из истории советской научной дипломатии. В 1955 г. СССР всерьез прорабатывал возможность участия государства в создававшейся в те годы Европейской организации ядерных исследований – в ставшем легендарным ЦЕРНе. Однако советские представители получают дипломатичный ответ, что прием новых членов заморожен на несколько лет. При этом западные державы одновременно с этим активно зондировали возможность вхождения стран социалистической ориентации в эту организацию, например Польши. Такое недвусмысленное противоречие, очевидно, свидетельствовало о стремлении Запада максимально изолировать СССР, в том числе и по научному треку. Это побудило Советский Союз к проактивной научной дипломатии – так, в 1956 г. создается Объединенный институт ядерных исследований. Институт станет первой международной научно-исследовательской организацией стран народной демократии (перечень государств-основателей будет включать 11 стран).

1 В отличие от МНТЦ, см., например: "Science for Human Security: Science Diplomacy," WAAS Talks, October 24, 2023, accessed August 8, 2025, <https://worldacademy.org/conference-page/waas-talks-series/science-for-hs-science-diplomacy/>.

2 "A European Framework for Science Diplomacy," February 13, 2025, accessed August 8, 2025, https://research-and-innovation.ec.europa.eu/news/all-research-and-innovation-news/european-framework-science-diplomacy-2025-02-13_en.

3 "The U.S. Needs a National Science Diplomacy Strategy," November 2024, accessed August 8, 2025, <https://sciencepolicy.ca/posts/the-u-s-needs-a-national-science-diplomacy-strategy/>.

4 Распоряжение Правительства России от 16.05.2025 № 1218-р «Об утверждении Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации» // Pravo. [Электронный ресурс]. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505230057> (дата обращения: 08.08.2025).

Каковы реалии нашего времени? С началом СВО ЦЕРН принимает решение сначала заморозить, а в 2024 г. и вовсе разорвать соглашение с Правительством Российской Федерации о международном сотрудничестве. Согласитесь, параллели присутствуют. Западные державы и тогда, и сейчас включали науку в палитру санкционной политики. В этом контексте меня несколько удивляет недоумение западных коллег¹ относительно того, каким «политически управляемым» показал себя ЦЕРН. Ничего нового в подходах, к сожалению, нет. Здесь и впрямь можно говорить об исторических параллелях.

Возвращаясь к Вашему вопросу, нельзя не сказать, что ситуация тогда была более контрастной и понятной: на планете есть два полюса силы, две альтернативные идеологические системы (разумеется, это сильное упрощение, но все же). Если хотите – это своего рода черно-белая фотография, на которой есть контраст черного и белого. Но есть на ней и множество оттенков серого. Как когда-то метко сказал один из моих старших товарищей-дипломатов, дипломатия и существует в оттенках серого. В этих оттенках было место и для научной дипломатии именно во времена холодной войны: между, казалось бы, соперниками ЦЕРНом и ОИЯИ появлялись мосты кооперации, которые станут классическим примером действенной научной дипломатии.

Сегодня мы имеем дело, продолжая фотографическую аналогию, с цветным изображением: мир сильно диверсифицировался и в плане центров силы, и идеологической палитры. В этом и большое заблуждение Запада относительно того, что односторонние санкции в науке способны критически повлиять на научно-исследовательский сектор нашей страны и разрушить его. Нет, сегодня мы живем в многополярном научном мире, в котором у западных государств нет гегемонии. Другой важный аспект – смена поколений. Во времена холодной войны по обе стороны «железного занавеса» было осознание ужаса и разрушительной силы Второй мировой, и этот опыт был «осязаем» на уровне почти каждой семьи (особенно в Европе). Сегодня фрустрирующий опыт войны отошел на периферию коллективной памяти. Молодые европейцы не осознают, с каким «огнем» они играют. Это тоже вызывает конфликт поколений и в науке. Мы это наблюдаем на рефлексии санкционной политики западными учеными.

Но уроки холодной войны нужно учитывать. Довольно успешным примером оказалась проактивная научная дипломатия. Поэтому в Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации, в частности, предусматривается создание международных научных организаций по инициативе нашего государства и придание международного статуса объектам научно-исследовательской инфраструктуры, расположенным на территории Российской Федерации. История показала, что эти инструменты действенны. И в конечном итоге выступают теми самыми площадками, где выстраивается научный диалог представителей стран, стоящих по разные стороны идеологических и иных границ. Через науку начинается и более широкий диалог между государствами.

С.М. Говоря о научно-техническом сотрудничестве сегодня, трудно пройти мимо такой темы, как антироссийские санкции. Насколько критично их влияние

1 Albrecht, Malte et al. "Beyond a Year of Sanctions in Science."

на отечественную науку и технологическое развитие? Экономисты в последние годы активно освоили такое понятие, как «параллельный импорт». В научных обменах есть нечто похожее?

И.С. Действительно, «научные санкции» западных государств стали заметным фактором, определяющим реалии развития научно-исследовательского сектора России. Хотя исследователи по-разному рассматривают этот феномен: кто-то выделяет отдельный класс санкций, призванных оказать таргетное влияние на нашу науку, другие исследователи говорят больше об общем влиянии экономических и иных санкций. По факту это беспрецедентное по своей отраслевой вариативности и глубине давление (суммарное количество санкций превышает 25 тысяч!¹⁾ в рамках имплементации политики принуждения оказало и оказывает влияние на российскую науку.

Безусловно, первые месяцы после «санкционного грома» оказали фрустрирующее влияние на российское научное сообщество: отрезан доступ к зарубежному оборудованию, расходникам, программному обеспечению, научно-технической информации, базам данных, экспериментальной базе, высококвалифицированным кадровым ресурсам, международным грантовым программам, проектам и пр. В целом состоялся «подрыв» сформировавшейся за десятилетия сотрудничества комплексной системы мостов и мостиков МНТС. Конечно, это может вызвать ощущение шока. По разным оценкам, санкции существенно затронули около 75% высокопродуктивных российских ученых – главное движущее ядро отечественной науки. Кроме того, под ударом рестрикций оказались и молодые ученые, наиболее активные на международной научной арене (прежде всего в области естественных, технических и медицинских наук)².

Сегодня, если посмотреть, например, на ситуацию в Российской академии наук, то можно сказать, что положение дел стабилизировалось. В частности, удалось выстроить поставки реактивов и оборудования как из дружественных стран, так и путем импортозамещения. Вместе с тем существуют и проблемы: одна из острейших – рост цен, более сложная и длительная логистика. Ученые указывают и на такие сложности, как невозможность зачастую напрямую перевести платежи зарубежным получателям вследствие санкций в банковской сфере³.

Причем здесь справедлива традиционная житейская истина – «не было бы счастья, да несчастье помогло». При всем деструктивном влиянии эти санкции оказали и мобилизационный эффект на отечественный научно-исследовательский сектор. Как констатируют в Российской академии наук, внешнеэкономическое давление одновременно стало мощным импульсом для развития национальной науки⁴.

1 "Russia Sanctions Dashboard," Castellum.ai, accessed August 8, 2025, <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard>.

2 Дежина, И.Г., Нефедова, А.И. Оценки влияния санкций на работу высокопродуктивных российских ученых // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 19–31. <https://doi.org/10.31857/S013216250029334-0>.

3 Доклад Российской академии наук «О важнейших научных достижениях российских ученых в 2023 году». М.: РАН, 2024. <https://new.ras.ru/upload/uf/c6f/dzr6of4qiacq7ff8fm60g08s0u3qw0hz.pdf>.

4 Доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными, подготовлен в соответствии со ст. 7 Федерального закона от 27.09.2013 № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доклад утвержден решением Общего собрания Российской академии наук (РАН) 23 мая 2023 года. М.: РАН, 2023. <https://new.ras.ru/upload/uf/cc5/w4i817fegw3kxoj1moze0ffoqstv1oro.pdf>.

При этом важно, что Россия, несмотря на колоссальные усилия, показала всему миру, что в состоянии не только преодолевать санкции, но и достигать качественно новых результатов в области мирового научно-технологического соревнования. Делом престижа стало продолжение создания семи уникальных научных установок класса «мегасайенс». В этом ряду «Сибирский кольцевой источник фотонов» («СКИФ») – проект с источником синхротронного излучения поколения «4+». Санкции стали катализатором высокотехнологического импортозамещения. Например, для этой установки Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН в 2023 г. создал оборудование взамен не поставленного датской компанией *Danfysik*¹. Пусть и с корректировками сроков, но на декабрь 2025 г. запланировано завершение строительно-монтажных и пусконаладочных работ².

Достоин упоминания и тот факт, что санкции мотивировали молодых ученых к поиску решений в области импортозамещения. Яркий пример такой инициативы – проект «Наша лаба»³. Ряд активных членов Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте России по науке и образованию создали в июле 2022 г. сервис по поиску и подбору научного оборудования и расходных материалов, произведенных в России и Белоруссии.

Разумеется, понятия «параллельный импорт» и «санкции» перешли и в научно-технологическую сферу. Эксперты отмечают, что не вся линейка оборудования и реактивов может быть замещена на текущий момент за счет импорта из «дружественных стран» и путем импортозамещения. В сложившейся ситуации одно из решений – параллельные поставки из Китая и других стран⁴. Новым явлением на научном ландшафте стало появление соответствующих сервисов, например «Поставка оборудования в условиях санкций (параллельный импорт)»⁵, а также методических исследований, описывающих «алгоритм работы с поставщиками»⁶. Эксперты отмечают, что официальные данные об объемах товаров, завезенных в Россию в рамках параллельного импорта, отсутствуют⁷. Этот тезис справедлив и для научно-исследовательского сектора. Безусловно, отношение к параллельному импорту у государства и научного

1 Информация о реализации основных направлений государственной научно-технической политики, государственной программы в области научно-технологического развития, важнейших инновационных проектов государственного значения в 2023 году. М.: РИЭПП, 2024. <https://xn--m1agf.xn--p1ai/analytics/informatsiya-o-realizatsii-osnovnykh-napravleniy-gosudarstvennoy-nauchno-tekhnicheskoy-politiki-gosu/>.

2 Развитие проекта ЦКП «СКИФ» // Skif. [Электронный ресурс]. URL: https://srf-skif.ru/index.php/%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0_%D0%A6%D0%9A%D0%9F_%22%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%A4%22 (дата обращения: 08.08.2025).

3 «Наша лаба». О проекте // Scienceid. [Электронный ресурс]. URL: <https://lab.scienceid.net/about/> (дата обращения: 08.08.2025).

4 Фомкин, Ф.С. Влияние санкций на науку и научное импортозамещение в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3. С. 179–184. <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sanktsiy-na-nauku-i-nauchnoe-importo-zameschenie-v-rossii>.

5 Поставка оборудования в условиях санкций (параллельный импорт) // Сфера. [Электронный ресурс]. URL: <https://ntcsphere.com/solutions/services/postavka-kontrolno-izmeritelnoy-apparatury-kia/postavka-oborudovaniya-v-usloviyakh-sanktsiy-parallelnyy-import/> (дата обращения: 08.08.2025).

6 Параллельный импорт лабораторного оборудования // Контроль качества продукции. 2022. № 12. С. 18–22.

7 Антропов, В.В. Параллельный импорт в системе российской внешней торговли в 2025 году // Экономика. Налоги. Право. 2025. № 18. С. 53–62. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2025-18-1-53-62>.

сообщества неоднозначное¹, все же этот инструмент должен оставаться временным, до (по возможности оперативного) решения возникшего дефицита оборудования и реактивов путем адекватного импортозамещения либо поставок из «дружественных» и нейтральных стран. Этот процесс идет, в частности, по линии федерального проекта «Развитие отечественного приборостроения гражданского назначения для научных исследований»².

Если отойти от материально-технической стороны санкций, то особо стоит отметить и другую их крайне важную форму, касающуюся публикаций. Здесь мы имеем дело с целым многообразием недружественных действий: от общей идеологически обусловленной недоброжелательности зарубежных редакций до фактического запрета на публикации научных результатов российских исследователей. В целом наблюдается уменьшение доли российских публикаций как в мировой «копилке» (с 2,85% в 2022 г. до 2,26% в 2024 г.), так и в БРИКС (с 7,32% в 2022 г. до 5,35% в 2024 г.)³. Доля наших статей в международном соавторстве также уменьшилась с 23,1% в 2022 г. до 20,7% в 2024 году. Хотя повод для осторожного оптимизма есть: заметно, что с 2023 г. ситуация постепенно восстанавливается (в 2023 г. этот показатель составлял лишь 19,5%)⁴. Но в долгосрочной перспективе эти негативные тренды крайне неблагоприятны для «заметности» российской науки на международной арене. Сюда же можно отнести и участие в международных конференциях. Здесь, думаю, вполне уместна аналогия со спортом: если наши атлеты лишены возможности участия в международных соревнованиях, то с большой вероятностью это скажется на их уровне и конкурентоспособности. Международные форумы, конференции, симпозиумы также крайне важны для конкурентного развития науки.

Вопросы поставки оборудования, реактивов и пр. – дело, несомненно, критически важное, но восполняемое в обозримой перспективе. Обусловленный санкциями разрыв субстантивного научного диалога «Россия – Запад» в цивилизационном ключе – гораздо более губительное явление: мы должны понимать, что в силу предпринятых западными государствами мер уже через десятилетие у нас просто не будет достаточного «пула» специалистов, мыслящих в категориях ценностного единства научного мира, «ученой корпорации» без идеологических границ. Причем герметизация Западом своего научного пространства губительна прежде всего для них самих. Что меня более всего расстраивает, так это наблюдаемая тенденция к кооптации инструментов научной дипломатии (например, в ЕС) в санкционную политику⁵. Это можно рассматривать и как сигнал о том, что Европа обрывает даже символические, научно-дипломатические мосты с нами. В этом контексте мудро, что Россия, напротив, усиливает инструментализацию научной дипломатии, укрепляя интеграцию в государственную

1 Петрова, В. Параллельному импорту расширили санкции. Госдума приняла законопроект о борьбе с параллельным импортом во втором чтении // Коммерсант. 16 июня 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7798341> (дата обращения: 08.08.2025).

2 Гранты на разработку научных приборов // Минобрнауки России. 17 марта 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/96530/> (дата обращения: 08.08.2025).

3 "Russian Federation," Scimago Journal & Country Rank, accessed August 8, 2025, <https://www.scimagojr.com/countrysearch.php?country=RU>.

4 Ibid.

5 Сулейманов, И.Т. «Постаффирмативная» эпоха научной дипломатии в ЕС: на пути кооптации в дипломатию принуждения? // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 6. С. 338–342. <https://doi.org/10.24412/0869-8120-2025-6-338-342>.

научно-техническую политику (стоит обратить внимание на то солидное значение, которое научная дипломатия приобрела в актуализированной редакции Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации¹).

Говоря о критичности / некритичности влияния на науку и технологическое развитие, важно отметить, что интенция западных «партнеров», разумеется, исходила из глобальной цели нанести России стратегическое поражение. Поэтому удивляться прагматичному включению науки в санкционный набор не стоит. «Научный вектор» в современном мире как минимум равновелик традиционным ключевым слагаемым суверенитета государства.

Запад просчитался с реалиями глобального многополярного (научного) мира и с оценкой критических резистентных потенциалов научно-исследовательского и технологического секторов нашей страны. Причем это касается как прагматики доступности необходимого оборудования, так и ценностных основ «ученой корпорации». Хотя некоторые исследователи справедливо говорят о деморализации части отечественного научного сообщества, например выразившегося в «побуждении к эмиграции дополнительно 15% ученых»². Кстати, и на это был ориентирован «научный удар» Запада, судя по официальным заявлениям (стоит вспомнить, например, публичные документы по линии «Группы семи»³).

Все же мы можем констатировать ощутимый, но в целом некритичный ущерб от западных «научных санкций» в отечественной науке и в области технологического развития. Главное, что это давление не сломило, а укрепило дух большей части российских ученых, для которых санкции стали стимулом к активизации своей деятельности, о чем свидетельствуют результаты ряда исследований⁴. Нельзя забывать и о «рикошетном эффекте» от западных «научных санкций».

С.М. На территории России находится уникальная международная научно-исследовательская организация – Объединенный институт ядерных исследований. Ваша профессиональная и экспертная биография связана с ОИЯИ. Какие международные проекты ОИЯИ ведет сегодня, от чего пришлось отказаться и какие перспективы участия института в научно-техническом взаимодействии с различными зарубежными центрами Вы видите?

И.С. Действительно, ОИЯИ – уникальное международное явление, пример действенной научной дипломатии и субстантивного взаимовыгодного научно-технического сотрудничества. Хотел бы отметить, что сейчас буду рассуждать лишь как эксперт, ни в коем случае не претендуя на артикуляцию официальной позиции самого Института.

Прежде всего, отмечу, что в следующем году ОИЯИ будет отмечать свое 70-летие. Согласитесь, это были очень яркие и порою «контрастирующие» друг с другом десятилетия. При этом Институт выдержал все испытания и по сей день

1 Распоряжение Правительства России от 16.05.2025 № 1218-р «Об утверждении Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации» // Pravo. 16 мая 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505230057> (дата обращения: 08.08.2025).

2 Гусев, А.Б., Юревич, М.А. Санкции против российской науки: ментально-ресурсный ущерб // Вестник Российской академии наук. 2025. Т. 95. № 2. С. 55–68. <https://doi.org/10.31857/S0869587325020075>.

3 “G7 Science Ministers’ Communiqué,” June 12–14, 2022, accessed August 8, 2025, https://www.bmfr.bund.de/SharedDocs/Downloads/EN/2022/220613-g7.pdf?__blob=publicationFile&v=3.

4 Гусев, А.Б., Юревич, М.А. Санкции против российской науки: ментально-ресурсный ущерб.

объединяет усилия ученых как из своих 15 государств-членов, так и других стран-партнеров по всему миру «в целях обеспечения совместного проведения теоретических и экспериментальных исследований в области ядерной физики», как это было зафиксировано 26 марта 1956 г. в тексте соглашения «Об организации ОИЯИ»¹.

Сегодня Институт ведет целый ряд крупных международных проектов на базе флагманской научно-исследовательской инфраструктуры. Назову лишь некоторые из них: ускорительный комплекс «Фабрика сверхтяжелых элементов» (за первые годы ее работы впервые в мире были получены пять новых изотопов сверхтяжелых элементов), глубоководный нейтринный телескоп *Baikal-GVD* (ОИЯИ – ключевой партнер проекта), высокопоточный импульсный реактор на быстрых нейтронах ИБР-2 и ИРЕН (источник резонансных нейтронов на базе линейного ускорителя электронов), многофункциональный информационно-вычислительный комплекс и др.²

Разумеется, особое внимание ученых со всего мира приковано сегодня к сооруженному в Дубне ускорительному комплексу *NICA*. Ученые надеются получить в рамках экспериментальной программы на базе этой установки открытия высочайшего (будем надеяться, и «нобелевского») уровня. Президент России В.В. Путин, посетивший комплекс *NICA*, справедливо назвал его поводом для гордости³. Это не только наука и топовые технологии мирового класса, но еще и упорство создателей проекта – несмотря на вызовы, прежде всего санкционные, проект практически запущен в эксплуатацию. Это настоящий символ международной научной солидарности. Отмечу, что зарубежные исследователи, которым их правительствами фактически запрещено⁴ сотрудничество с ОИЯИ, сокрушаются в значительной степени из-за «утраченных возможностей» для исследований на базе *NICA*⁵.

Вы спросили меня, от чего Институту пришлось отказаться, – здесь ключевой тезис заключается в том, что несмотря на свой международный статус ОИЯИ испытывает сложности, обусловленные санкционными ограничениями, введенными в отношении России – не просто государства – члена Института, но и страны его местоположения: логистика, поставки оборудования, международные переводы и пр.⁶ Однако ОИЯИ смог адаптироваться к новым реалиям и продолжить свое устойчивое развитие.

Говоря о флуктуациях, упомянутых в Вашем вопросе, я осознанно начал свой ответ с отсылки к истории Института. Думаю, если смотреть на актуальную ситуацию с санкциями и прочими вызовами в более длительной перспективе, опи-

1 Соглашение «Об организации ОИЯИ» // ОИЯИ. [Электронный ресурс]. https://www.jinr.ru/wp-content/uploads/Advisory_Bodies/Agreement_JINR_Russian.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

2 Объединенный институт ядерных исследований. Дубна: ОИЯИ, 2025. https://www.jinr.ru/wp-content/uploads/Brochures/JINR_A4_20pgs_rus_preview_n.pdf.

3 Путин назвал коллайдер *NICA* в Дубне гордостью России // РИА Новости. 13 июня 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240613/putin-1952672898.html> (дата обращения: 08.08.2025).

4 Хотя это противоречит международным правовым нормам, учитывая, что ОИЯИ – международная межправительственная организация, зарегистрированная в 1957 г. в ООН.

5 Albrecht, Malte et al. "Beyond a Year of Sanctions in Science."

6 Объединенный институт ядерных исследований: международное сотрудничество продолжается. Интервью с академиком Борисом Шарковым // Научная Россия. 7 сентября 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/obedinennyy-institut-adernykh-issledovaniy-mezhdunarodnoe-sotrudnicestvo-prodolzhaetsa-intervyu-s-akademikom-borisom-sarkovym> (дата обращения: 08.08.2025).

раясь на исторический опыт ОИЯИ, то многое из конъюнктурных нарративов последних лет видится весьма относительным, изменчивым и даже временным. Например, если мы обратимся к вопросу о составе государств-членов ОИЯИ. Действительно, в рамках своей санкционной доктрины в отношении страны местопребывания Института, России, некоторые государства-члены приняли решение выйти из состава ОИЯИ: Молдавия, Польша, Украина, Чехия. Но если посмотреть на историю ОИЯИ, то обнаружим, что этот процесс не является чем-то новым. Государство может выйти из международной организации по целому ряду причин, а потом снова наладить сотрудничество. Например, в 1965 г. из состава Института вышел Китай¹, однако десятилетия спустя сотрудничество с ним снова стало развиваться. Аналогичные сценарии можно наблюдать и в других международных научных центрах. Здесь крайне важно, чтобы правительства, которые в конечном итоге принимают решение о вхождении в те или иные международные научно-исследовательские инициативы, прислушивались к мнению научного сообщества, которое может быть в диссонансе с политической конъюнктурой.

Говоря о будущем Института, безусловно, важно сказать, что перечень ключевых направлений международной кооперации расширился: это Китай, Бразилия, Индия, Мексика и др. Укрепляются связи с ассоциированными странами, например с ЮАР и Сербией обсуждаются модальности полноправного членства²; новый импульс получило сотрудничество с Венгрией³.

Отмечу и то, что сохраняется дипломатический диалог и с государствами, приостановившими фактическое сотрудничество с ОИЯИ, например с Францией⁴, Израилем⁵ и др. ОИЯИ последовательно (даже в разгар геополитической полемики в 2022 г.⁶) выступал за верховенство науки в международном научном диалоге, артикулируя открытость для научной кооперации в мирных целях со всеми заинтересованными сторонами. Это же относится и к развитию сотрудничества с многосторонними международными научными центрами и организациями, например с ЦЕРНом, принявшим решение продолжить сотрудничество с ОИЯИ (пусть и с рядом ограничений)⁷. Поэтому, говоря о будущем Института, прослеживается многовекторный подход к выстраиванию его международной кооперации, что вполне соответствует истории ОИЯИ, у которого (в отличие от того же ЦЕРНа) не было географического «якорного» региона, именно поэтому

1 Liu, Jinyan, Fang Wang, and Alexey Zhemchugov. "Chinese Scientists in Dubna (1956–1965)." *Chinese Annals of History of Science and Technology* 5, no. 2 (2021): 31–88. <https://doi.org/10.3724/SP.J.1461.2021.02031>.

2 Объединенный институт ядерных исследований: международное сотрудничество продолжается. Интервью с академиком Борисом Шарковым.

3 ОИЯИ, Дебреценский университет и Институт ядерной физики Венгерской исследовательской сети расширяют взаимодействие // ОИЯИ. 28 ноября 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jinr.ru/posts/oiyai-debretsenskiy-universitet-i-institut-yadernoj-fiziki-vengerskoj-issledovatel'skoj-seti-rasshiryayut-vzaimodejstvie/> (дата обращения: 08.08.2025).

4 Визит делегации Посольства Франции в России // ОИЯИ. 16 мая 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jinr.ru/posts/vizit-delegatsii-posolstva-frantsii-v-rossii/> (дата обращения: 08.08.2025).

5 Чрезвычайный и Полномочный посол Государства Израиль в России посетила ОИЯИ // ОИЯИ. 12 июля 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jinr.ru/posts/chrezvychajnyj-i-polnomochnyj-posol-gosudarstva-izrail-v-rossii-posetila-oiyai/> (дата обращения: 08.08.2025).

6 Заявление Комитета Полномочных Представителей правительств государств-членов Объединенного института ядерных исследований о сохранении единства Института, его научной миссии и международного партнерства в мирной обстановке // ОИЯИ. 17/21 марта 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.jinr.ru/wp-content/uploads/JINR_Docs/CP_Statement_rus.pdf (дата обращения: 08.08.2025).

7 "News From the June 2024 CERN Council Session," CERN, June 25, 2024, accessed August 8, 2025, <https://home.cern/news/opinion/cern/news-june-2024-cern-council-session>.

и в названии Института появилось слово «Объединенный», а не «Восточный» (как то изначально планировалось). Разумеется, ОИЯИ планирует свое будущее, существуют т.н. семилетки – Семилетние планы развития ОИЯИ. Действующая «семилетка» рассчитана на период 2024–2030 годов¹. Приоритеты развития на ближайшие годы – энергичная и амбициозная экспериментальная программа, приумножение интеллектуального человеческого капитала². Отрадно, что упоминается в Семилетнем плане и развитие инструментов научной дипломатии³. Документом предусмотрено, что суммарно на амбициозную научную программу международного центра в Дубне прежде всего государствами-членами будет потрачено почти 2 млрд долл. США⁴.

С.М. Международные отношения определяются в немалой степени технологической повесткой. Сегодня у всех на слуху, например, феномен искусственного интеллекта. Какие риски и выгоды от искусственного интеллекта Вы видите для сферы международных отношений?

И.С. Согласен с Вашим тезисом о взаимозависимости международных отношений и прорывных технологий. Стоит лишь вспомнить о ядерной повестке и ее роли в прошлом столетии (не утратившей значения и сегодня). Думаю, это хорошая модель, которая «натурно» продемонстрировала, как я обычно говорю своим студентам, «колебательную природу» научной дипломатии и МНТС: от полной секретности и страха утратить технологическое преимущество, монополию над тем или иным знанием и ноу-хау до интернационализации этого процесса, выстраивания прозрачных и понятных международных механизмов обеспечения безопасного пользования этой технологией. Полагаю, что похожие сценарии наиболее реалистичны и для других прорывных технологий. В этом ключе сформулирована, например, инициатива КНР по созданию Всемирной организации сотрудничества в области ИИ⁵. Общий вектор – попеременный переход от конкуренции к сотрудничеству. Удастся ли создать новое МАГАТЭ в области ИИ или других прорывных технологий, покажет время, но это было бы важно как с точки зрения глобальной безопасности, сотрудничества, так и, в немалой степени, для преодоления цифрового неравенства⁶ на планете.

Однако мне видится и утилитарная грань ИИ – не только в контексте организации международного сотрудничества и дипломатии в широком смысле⁷, но и, в частности, в практическом приложении к научной дипломатии и МНТС. Ведь они представляют собой крайне сложные многоуровневые гетерогенные системы. Например, если коснуться документальной плоскости – за десятилетия новой России на самых разных уровнях было подписано колоссальное количество меморандумов, соглашений, договоров различной юридической силы. Осоз-

1 Семилетний план развития ОИЯИ на 2024–2030 гг. Дубна: ОИЯИ, 2023. https://www.jinr.ru/wp-content/uploads/JINR_Docs/JINR_Seven-year_plan_2024-2030_rus.pdf.

2 Ibid., 4.

3 Ibid., 72.

4 Ibid., 75.

5 В Китае предложили создать Всемирную организацию сотрудничества в области ИИ // ТАСС. 26 июля 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24616845> (дата обращения: 08.08.2025).

6 Беликова, К.М., Диас Мартинс, Р., Казанба, Е.Т. Международное сотрудничество в преодолении цифрового неравенства: правовые основы, барьеры и параметры развития // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 4. С. 1003–1030. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.47>.

7 Зиновьева, Е.С., Цветкова, Н.А., Сидоренко, Э.Л. «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад. М.: МГИМО-Университет, 2024. 68 с.

нать и оценить этот пул информации, думаю, можно лишь с использованием инструментов ИИ. Кроме того, все осознают значимость прагматики в формировании повестки МНТС, но по сей день нет методики, как предельно точно определить, что от страны-партнера *X* нам для достижения показателей в научной отрасли *Y* необходимо пригласить ученого *Z*. И как нам это сделать оптимальным образом с учетом национальных законодательств и, скажем, имеющихся инструментов поддержки мобильности? Здесь среди прочего нужна оценка актуальных (и причем изменяющихся в реальном времени) запросов национальной научно-исследовательской системы, а также их прогнозных значений. Кроме того, не обойтись без учета внешнеполитических, научно-политических и экономических реалий той самой страны-партнера *X*. Это колоссальные объемы данных. Понятно, что я описываю упрощенно, но формирование этой многоаспектной картины силами ИИ могло бы выступить критически важным цифровым подспорьем в становлении, если хотите, научной дипломатии 2.0 – научной дипломатии, основанной на преимуществах цифровых решений.

Во всем мире ИИ уже используется в различной степени в качестве инструмента поддержки принятия решений¹, формируя цифровые научные карты мира – когда в режиме реального времени актуализируется информация по исследуемым тематикам и научным результатам. Понятно, что доступ к международным базам данных публикаций, патентов дает такую возможность уже сейчас. Думаю, отставание в этом вопросе для нас просто недопустимо. Хотя (перефразируя нашу поговорку, «на ИИ надейся, а сам не плошай») результаты работы ИИ, безусловно, должны валидироваться экспертным сообществом – в конечном итоге решение принимает человек.

Цитирование

Сулейманов, И.Т. Международное научное сотрудничество: национальный интерес и глобальная кооперация // Международная аналитика. 2025. Том 16 (3). С. 11–24.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-3-11-24>

For citation

Suleymanov, Irek T. "International Scientific Cooperation: National Interest and Global Cooperation." *Journal of International Analytics* 16, no. 3 (2025): 11–24.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-16-3-11-24>

1 Aleessawi, Najm, and Leila Djaghroui. "Artificial Intelligence in Decision-Making: Literature Review." *Journal of the Association of Arab Universities* 45, no. 1 (March 2025): 263–278. <https://doi.org/10.36024/1248-045-001-013>.